

DOI: 10.31857/S013038640011359-2

© 2020 г. А. В. ГОРДОН

СОВЕТСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СОВРЕМЕННЫХ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ ПОДХОДАХ

Гордон Александр Владимирович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН (Москва, Россия).

E-mail: gordon_aleksandr@mail.ru

Scopus ID: 57193746873

Аннотация. Произошедший в начале 90-х годов XX в. перелом отечественного бытия обернулся разрывом историографического процесса, и фундаментальной задачей современных историков становится воссоздание нарушенного единства, для чего требуется осмыслить пройденный отечественным историознанием путь и определить место, которое занял в нем минувший этап. Актуальность задачи в полной мере осознается российскими учеными, о чем свидетельствует подъем историографических исследований, сосредоточенных на изучении советского периода. В оценке специфики советского историознания, его динамики, судеб ученых магистральной стала проблематика «историк и власть», что объективно отражает ключевую роль властных структур – от идеологического аппарата до парторганизаций и органов госбезопасности – в советской истории. Вместе с тем сама проблематика претерпела за истекшие 10-летия благотворные перемены. Тяготение к жестким политическим и идеологическим оценкам сменилось культурологическими, социологическими, науковедческими подходами. В статье на примере двух новейших монографий анализируются два подхода – биографический (в его разновидности историографического портрета) и институционно-структурный. В обоих случаях в центре исследований оказываются личность ученого и его творческая судьба. Автор В. А. Погосян, используя биографический подход, последовательно и системно воспроизводит историографические портреты своих персонажей. Структура книги С. Б. Криха более сложная: сопоставляются карьерные траектории различных ученых и тем самым устанавливаются критерии «успеха по-советски» и факторы, предопределившие «центральное» положение в советской науке одних ученых и «периферийное» место для других. В обоих случаях авторы размышляют о соотношении в исторических исследованиях идеологии и науки, о давлении на ученых режимных требований и догматических положений «советского марксизма».

Ключевые слова: советская историография, марксизм-ленинизм, Д. Б. Рязанов, история Франции, В. А. Погосян, В. М. Далин, А. Матъез, С. Б. Крих, периферийность.

A. V. Gordon

Soviet Historical Science in the Current Historiographical Approaches

Alexander Gordon, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: gordon_aleksandr@mail.ru

Scopus ID: 57193746873

Abstract. The break in the social fabric of the Russian society that took place in the early 1990s turned into a break in the historiographical process. The fundamental task of modern historians is to heal and restore the broken unity. This requires understanding the journey made by domestic historical studies and determining the place of the recent changes in it. The relevance of the task is fully recognized by Russian scholars, as testified by the rise of historiographical research focused

on the study of the Soviet period. In assessing the specifics of Soviet historical studies, its dynamics, the fate of scholars, the issue of “historian and power” plays the main role. This objectively reflects the key role of power structures — from the ideological apparatus to party organizations and state security agencies. At the same time, the problem field itself has undergone beneficial changes over the past decades. The attraction to harsh political and ideological assessments was replaced by cultural, sociological, and scientific approaches. Using the example of two latest monographs, the article analyzes one of such approaches, the biographical approach, in its genre of the “historiographical portrait” and other the institutional-structural approach. In both cases, the scholar’s personality and his professional path are at the centre of research. V. A. Poghosyan consistently and systematically reproduces the historiographic portraits of his characters using a standard biographical approach. In the book of S. B. Krikh, the structure is more complex: career paths of various scholars are compared, and this allows to establish the criteria for “success in Soviet style”, as well as the factors that determine the “central” position of some researchers in Soviet science and the “peripheral” places for others. In both cases, the authors reflect on the correlation of ideology and science in historical studies, and on the pressure of the regime requirements and the dogmatic provisions of “Soviet Marxism” on the historians.

Keywords: Soviet historiography, Marxism-leninism, D. B. Riazanov, history of France, V. A. Poghosyan, V. M. Dalin, A. Mathiez, S. B. Krih, periferiinst’.

Актуальная задача восполнения континуитета отечественного историографического процесса решается по-разному. Мне близок жанр «историографического портрета», когда изучение творчества отдельных ученых сплетается с их личностными характеристиками, вместе с архивными материалами широко используются источники мемуарного характера. Перед читателем предстает ближайшее окружение персонажей, воссоздается жизнь научно-общественная. Присутствует и макросоциальный контекст — влияние общественной среды, событий политической и научной жизни.

Такому жанру принадлежит книга доктора исторических наук Варужана Арамаздовича Погосяна¹, ведущего научного сотрудника Государственного академического университета гуманитарных наук (Москва) и ответственного секретаря журнала Ереванского государственного университета «Вопросы арменоведения». Это плод многих десятилетий историографического творчества, вместившего кропотливые исследования в архивохранилищах Москвы, Санкт-Петербурга, Еревана, исчерпывающее знание обширной литературы, размышления, воспоминания. В книге собраны публикации, уже известные читателю, проведена и немалая дополнительная работа над осмыслением собранного материала и его расширением.

Историографическое исследование Погосяна имеет немало достоинств, среди которых мое внимание привлекли широта авторского кругозора и преданность памяти ушедшего поколения учителей и старших товарищей. Эти качества заслуживают особого упоминания в связи с некоторыми особенностями современной историографической ситуации, когда разумная и необходимая дифференциация сложного пути отечественного исторического знания порой становится противопоставлением одних этапов и направлений другим.

Подобную тенденцию Погосян оспаривает самой фактурой своего труда и общим духовным посылом. Автор ратует за преемственность в историографическом процессе: «Академики В. П. Волгин и Н. М. Лукин в 1920-х годах приступили к обучению и воспитанию первого поколения советских историков-марксистов, став основоположниками марксистской исторической науки, многим представителям которой... было суждено не только достойно продолжить заложенные “русской школой” добрые давние традиции... но в дальнейшем достичь новых высот» (с. 144).

Персонажи книги — историки различных идейно-теоретических направлений, и каждый из них заслуживает объективного взвешенного рассмотрения. Очевидна симпатия Погосяна

¹ Погосян В. А. Историки Французской революции. М., 2019. Ссылки на страницы этого издания следуют далее в самом тексте статьи на с.29–34.

к тем, кто старался избежать участия в идеологических схватках, сотрясавших советское и международное научное сообщество. Эмоционально насыщенные страницы посвящены Геннадию Семеновичу Кучеренко и Жаку Годшо. Погосян подчеркивает «независимый характер» своего учителя Годшо, «беспартийного историка, не примыкавшего ни к одному из направлений» и «не принадлежавшего ни к одной исторической школе» (с. 124).

Вместе с тем такой же объективный и сопереживающий подход наблюдается в главах, посвященных «активисту» тех сражений Виктору Моисеевичу Далину, ученому в высшей степени партийному, не только по принадлежности к ВКП(б) — КПСС, но и по преданности партийности советской науке.

О Далине написано немало: его сыном М.В. Далиным, многолетней сподвижницей по работе во «Французском ежегоднике» С. В. Оболенской, наконец, самим автором книги и автором этих строк². Тем не менее выбор «центра тяжести» в «Историках Французской революции», несомненно, удачен. Не только потому, что это учитель Погосяна, о котором у автора сохранились благодарные и поучительные воспоминания. Жизнь и деятельность Далина — без преувеличения историографический материк, вместивший вместе с драматической биографией выдающегося ученого судьбы нескольких поколений отечественных историков и критические повороты советского историоизнания.

В описании Погосяна Далин предстает в начале книги участником семинара Н. М. Лукина в Институте красной профессуры (ИКП), где он делает доклад об освещении экономической истории Франции XVIII в. представителями *école russe*³. Используя марксистско-ленинскую методику анализа мануфактурного производства, Далин не только опровергает оценки этих ученых, но и выстраивает собственную концепцию о значительности развития капитализма в предреволюционной Франции. При спорности самой методики грамотное использование источников свидетельствовало о научной зрелости молодого историка. Не случайно эту работу, впервые изданную в 1929 г., Далин посчитал возможным переиздать в 1970 г.⁴ Ее заметил и сам Кареев, который нашел у автора «хорошее владение французской специальной литературой» и сделал выписку выводов из статьи⁵.

До ныне распространено мнение, восходящее еще к советским стереотипам, что становление марксистской исторической школы происходило в антагонистической борьбе со «старой школой» и что «представители первого поколения историков-марксистов сознательно умаляли» ее достижения (с. 145). Убежден, это односторонний подход. Позицию последних внятно сформулировал Г. С. Фридлянд: «Считаться с богатейшим наследием прошлого (прежде всего с достижениями русской школы за 40–50 лет ее существования) и двигаться вперед, “прорабатывая и усваивая” это наследие»⁶. Согласно автобиографии Фридлянда, профессиональную подготовку он получил в семинаре Н. И. Кареева и его ученика В. А. Бутенко, а в ИКП у А. Н. Савина⁷. С нескрываемым пиететом отзывался о последнем

² Далин М. В. «Запечатленные моменты» из жизни В. М. Далина — пламенного революционера и трепетного поклонника музыки Клио // Исторические этюды о Французской революции: к 95-летию В. М. Далина. М., 1998, с. 24–30; *его же*. Посильный комментарий к некоторым событиям жизни Виктора Моисеевича Далина // Французский ежегодник, 2002. М., 2002, с. 20–34; *Оболенская С. В.* Еще один портрет историка. Виктор Моисеевич Далин. — URL: http://samlib.ru/o/obolenskaja_s_w/dalin.shtml (дата обращения 11.11.2017); *Погосян В. А.* В. М. Далин // Портреты историков: время и судьбы, т. 2. М., 2000, с. 416–425; *его же*. В окружении историков (сборник статей и рецензий). Ереван, 2011, с. 13–67; *Гордон А. В.* Встречи с Далиным // Французский ежегодник, 2002. М., 2002, с. 39–53; *его же*. Историки железного века. М., 2018, с. 281–311.

³ Н. И. Кареев, И. В. Лучицкий, М. М. Ковалевский, Е. В. Тарле.

⁴ Далин В. М. Мануфактурная стадия капитализма во Франции XVIII в. в освещении «русской школы» // Историк-марксист, 1929, № 14, с. 68–116; *его же*. Люди и идеи. Из истории революционного и социалистического движения во Франции. М., 1970, с. 294–343.

⁵ Кареев Н. И. Французская революция в марксистской историографии в России. Публ. Д. А. Ростиславлева // Великая французская революция и Россия. М., 1989, с. 207–208.

⁶ Фридлянд Г. С. Итоги изучения Великой французской революции в СССР // Классовая борьба во Франции в эпоху Великой революции. М. - Л., 1931, с. 394.

⁷ Архив Российской Академии наук (далее — АРАН). Ф. 350. Оп. 3. Д. 27. Л. 1–3.

и Далин⁸. А сам Лукин, как и Волгин, ставшие основателями советско-марксистской школы, были учениками Р. Ю. Виппера.

Даже не упоминая о Я. М. Захере и других историках, ставших марксистами, но вышедших из школы Кареева и продолживших его исследования, можно констатировать, что профессионализм «старой школы» был — с индивидуальными различиями — воспринят новой школой. Другое дело — их вера в марксистский метод как критерий истины. Однако, как пронизательно отмечал Кареев, этот критерий оказывался и фактором ожесточенной критики друг друга (сыгравшей роковую роль во время идеологических чисток 1930-х годов)⁹.

На отношение к ранней советской историографии наложили зловещий отпечаток события, развернувшиеся на рубеже 1920–1930-х годов в связи с уголовным преследованием представителей «старой школы» (Академическое дело) и его идеологическим «сопровождением» членами Общества историков-марксистов (ОИМ) и прежде всего участием в «деле» руководителя Комакадемии М. Н. Покровского. В развернувшихся событиях Далин, подобно большинству историков-марксистов, ориентировался на Покровского, который символизировал партийное руководство наукой и выступал доверенным лицом генерального секретаря и ЦК партии¹⁰.

Духом нескрываемой враждебности проникнута обнаруженная В. А. Погосьяном и извлеченная из Архива РАН стенограмма доклада Далина 2 февраля 1931 г. «О Тарле». Далин подчеркивал у Тарле противоречивость взглядов на Французскую революцию (позитивное отношение к якобинской диктатуре и террору при Временном правительстве и негативное после Октября), делая из этого политические выводы. И аналогично, характеризуя труд Тарле по предыстории Первой мировой войны, связывал обращение ученого к этой проблематике с инкриминируемым ему следствием намерением возглавить Министерство иностранных дел России после реставрации.

В. А. Погосян замечает, что выбор исследовательской проблематики не может служить криминалом, однако в докладе Далина научно-критический и криминально-политический планы накладывались один на другой, производя, судя по вопросам с мест, надлежащий эффект на аудиторию, уже подготовленную начавшимися политическими репрессиями.

В современной литературе ситуацию 1929–1931 гг. нередко рассматривают как кульминацию схватки Комакадемии и ее интеллектуального ядра ОИМ с историками «старой школы». Согласен с саратовским историком В. Н. Даниловым: инициатива в начавшихся репрессиях принадлежала не ОИМ¹¹. В Академическом деле то была специальная следственная комиссия, созданная Политбюро ЦК в ноябре 1929 г.¹² Явственна дирижерская роль непосредственно генерального секретаря, начиная с речи на конференции марксистов-аграрников 27 декабря 1929 г., где генсек задним числом обосновывал форсированную коллективизацию, а заодно решил «расчихвостить» научные теории, «засоряющие головы наших практиков»¹³.

⁸ Далин В. М. А. Н. Савин: "Nihil admirari!" (дневник историка) // Исторические этюды о Французской революции. М., 1997, с. 31–69.

⁹ Кареев Н. И. Указ. соч., с. 203.

¹⁰ Впечатляющая иллюстрация отношения «верхов» — похоронная церемония скончавшегося в 1932 г. М. Н. Покровского: она происходила на Красной площади, и на трибуне Мавзолея пребывали И. В. Сталин с членами Политбюро. Имя Покровского было присвоено Московскому университету.

¹¹ «Плелось в хвосте тех печальных событий, в которые были вовлечены на рубеже конца 1920 — начала 1930-х годов историки "старой школы"». — Данилов В. Н. Общество историков-марксистов и историки «старой школы» // История и историческая память, вып. 13–14. Саратов, 2016, с. 101–102. См. также: Алаторцева А. И. Советская историческая наука на переломе 20–30-х годов // История и сталинизм. М., 1991, с. 248–283.

¹² Панях В. М. К спорам об «Академическом деле» 1929–1931 гг. и других сфабрикованных политических процессах. — URL: <https://www.rostmuseum.ru/museum/biblioteka/soobshcheniya-rostovskogo-muzeya/vypusk-xiii-rostov-2003/problems-istoriografii/v-m-panyakh-s-peterburg-k-sporam-ob-171-akademicheskome-dele-187-1929-1931-gg-i-drugikh-sfabrikovannykh-politicheskikh-protsessakh-c-303/> (дата обращения 15.03.2020).

¹³ Сталин И. В. Вопросы ленинизма, изд. 11. М., 1939, с. 276, 293.

Периодику захлестнули ярлыки: «кондратьевщина», «чаяновщина», «сухановщина», «кажановщина». Ученые с мировым именем, работавшие в советских учреждениях на благо страны, в одночасье уподобились уголовным преступникам. А марксисты-аграрники принялись каяться, что должным образом не боролись с этими «теориями и теорийками».

Затем Сталин взялся за теорию и историю партии. Выступая перед партбюро ИКП 9 декабря 1930 г., потребовал: «Бить по всем направлениям и там, где не били»¹⁴. Последовало расширение убойной критики на руководство Института Маркса–Энгельса и философов, которые в лице Д. Б. Рязанова и других досадили Сталину неприятием его вклада в марксистскую теорию.

Историческую науку в целом до основания потрясло письмо Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» (1931). Шельмуя сомневающийся в его правоте, вождь обвинял важнейшее нововведение об «аксиомах большевизма». Это положения, не подлежащие дискуссии, их «дальнейшая разработка» исключается¹⁵. Режим идеологической «аксиоматизации» стал важнейшим инструментом догматизации исторической мысли¹⁶.

«Письмо» явилось сигналом для очередной волны идеологического террора. Выразительна дневниковая запись С. А. Пионтковского о смятении, охватившем историков партии: «Вдруг мы оказались троцкистскими контрабандистами, фальсификаторами истории партии и большевизма. Ужасно трудно вести преподавательскую работу. На каждом шагу тебя ловят»¹⁷. Волна «проработок» прошла по всему историческому «фронту», затронув судьбы десятков людей¹⁸.

Для панорамного видения ситуации важно, что параллельно с погромом «старой школы» происходила радикальная идеологическая чистка среди самих историков-марксистов. Пока Далин обличал Тарле, а его товарищ по семинару Лукина Наталья Павловна Фрейберг – Кареева, другие под предлогом преодоления влияния «старой школы», а также «матъезовщины» и «устряловщины» клеймили Захера, взялись за Фридлянда, Старосельского, Моносова, дошли и до Лукина.

Красноречиво характеризует превращение историков СССР в «сталинцев», «historiens staliniens» (с. 108), по выражению лидера демократического направления во французской историографии Альбера Матъеза, его полемика с советскими историками. Погосян представляет ее многозначным событием. Прежде всего, то было конфронтацией с идейным направлением среди общественности Запада, которое сочувствовало идеалам социализма и Октябрьской революции, и это размежевание отметило начало международной изоляции, нанесшей тяжелый урон развитию советской науки.

Полемика обозначила новый этап в отношениях между властью и научным сообществом. Чуткий и заинтересованный наблюдатель общественно-политической жизни в СССР Матъез пронизательно заметил, что «советская историческая наука становится всецело инструментом власти» (с. 108), что власть навязывает ученым «свои концепции, свои проблемы, свои установки, вплоть до выводов», которые тем надлежит делать из своих исследований¹⁹. Предсказал Матъез и трагическую судьбу советских участников полемики, подметив, что репрессии в СССР не ограничатся преследованием Тарле.

¹⁴ Цит.: Смирнова В. А. Первый директор Института К. Маркса и Ф. Энгельса Д. Б. Рязанов // Вопросы истории КПСС, 1989, № 9, с.83.

¹⁵ Сталин И. В. О некоторых вопросах истории большевизма: письмо в редакцию журнала «Пролетарская революция» // К изучению истории. Сборник. М., 1946. с. 3–16.

¹⁶ См. подробнее: Гордон А. В. Великая французская революция в советской историографии. М., 2009, с. 72–119.

¹⁷ Цит. по: Дубровский А. М. Дневник историка С. А. Пионтковского как исторический источник. – URL: <https://lib.vsu.by/jspui/handle/123456789/6659> (дата обращения 14.07.20).

¹⁸ Дунаевский В. А. О письме Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» и его воздействии на науку и судьбы людей // История и сталинизм. М., 1991, с. 284–297.

¹⁹ «Ses concepts, ses préoccupations, ses mots d'ordre et jusqu'à ses conclusions» (с. 108) – перевод высказывания Матъеза принадлежит мне, – А. Г.

Не вдаваясь в превалировавший политический тон полемики, Погосян обозначает идейно-теоретический смысл разногласий. Советские участники не представляли себе научное изучение истории «вне марксизма» (с. 43). И свое понимание Маркса они считали единственно истинным. Матьез отдавал должное теории Маркса, но для него это был один из возможных научных подходов, и, как пишут современные французские исследователи, «не отклоняя марксистский метод, Матьез отвергал его догматические искривления» (с. 94).

В. А. Погосян задумывается, почему при известном ослаблении идеологической непримиримости и возобновлении на этой основе советско-французского научного сотрудничества в период оттепели полемика 30-х годов скрылась за «завесой молчания» (с. 90)? Никаких упоминаний о ней не было вплоть до публикации Владимира Ароновича Дунаевского уже в постсоветское время!²⁰

Больше всего интригует позиция Далина. Выживший участник полемики не хотел говорить о ней, и его ученик может выдвинуть только свои предположения. Произошедшее должно было стать для Далина душевной травмой. Знавший Матьеза лично и питавший к нему глубочайшее уважение, Далин называл его своим учителем (наряду с Лукиным и Волгиным). Однако идейно-политически он оставался, как мне представляется, на прежних позициях партийности исторической науки. Поистине, говоря словами поэта, «я извиняюсь, но в глубине ничуть не изменяюсь».

«Извинением» можно считать, например, далинскую правку к оценке А. З. Манфреда, который в ранних изданиях своей сводной работы по истории Революции называл Матьеза «буржуазно-радикальным историком». Далин, готовя посмертное переиздание (и не оговаривая свое вмешательство), поправил: «историком-демократом», тем самым исключив принадлежность Матьеза к тому профессиональному сообществу, с кем советские историки призваны были вести непримиримую идеологическую борьбу (с. 111). Вместе с тем в историографических работах Далин сохранял критические оценки концепции Матьеза (чего не позволял себе по отношению к Лукину или Волгину).

Проблема была совсем не личной. И, пожалуй, дело не только в нежелании советских историков подвергать критике участников той дискуссии, «ставших жертвами сталинских репрессий» (с. 91). В конце концов Манфред, переиздавая на волне реабилитаций Оттепели книгу Фридлянда о Марате, счел необходимым «предупредить» читателя, что основные положения книги спорны и не соответствуют современному уровню науки²¹. При всем сочувствии к Фридлянду Манфред не мог, да и при личном пиетете к Робеспьеру не хотел принять предложенный в монографии Фридлянда термин «маратизм», в чем видел дискредитацию понятия «якобинизм» и принижение роли Неподкупного как вождя якобинской диктатуры.

Главная причина «завесы молчания» видится в другом: «Ситуация в СССР в 1960–1980-х годах не благоприятствовала объективному научному анализу высказанной Матьезом критики советской действительности», поскольку его замечания по поводу «идеологической ангажированности» советской науки и диктата «государственной коммунистической идеологии» сохраняли свою актуальность (с. 91). Советские историки по-прежнему считали своим долгом представить «правильную концепцию» исторического процесса и дать отпор «фальсификаторам» (с. 285). И выступая на международных мероприятиях «руководствовались директивами», полученными перед отправкой в загранкомандировку (с. 359).

В «Историках Французской революции» раскрывается внутренняя жизнь научного сообщества советского времени с ее различными сторонами, включая непривлекательные. Публикуемая переписка, особенно между А. Р. Иоаннисяном и А.З. Манфредом, содержит яркие штрихи, иллюстрирующие драматическую историю публикации монографий

²⁰ Polemika Альбера Матьеза с советскими историками. 1930 – 1931 годы. Предисл. В. А. Дунаевского // Новая и новейшая история, 1995, № 4, с. 199–211.

²¹ Об этом был «предупрежден» и историк ГДР Вальтер Марков, которому Манфред переслал книгу Фридлянда (см. письма Манфреда Маркову, с. 223).

и рецензий на них, «кухню» выдвижения на академические премии и государственные награды, продвижения в Академию наук.

В. А. Погосян ставит вопрос, почему такие ученые, как Далин, внесший выдающийся вклад в мировую науку о Бабефе, были «гораздо больше оценены за рубежом, чем в СССР» (с. 54). Его искренне огорчает, сколько физических и душевных сил отдавали академической карьере выдающиеся ученые и как несправедлива оказывалась к ним судьба. Судьба ли? В научном сообществе существовали определенные правила выдвижения, которые адекватно отражали номенклатурную кадровую политику. Впрочем, в каждой корпорации свои пристрастия и «понятия», и, как замечает автор, в той же Франции «бессмертными» становились не самые достойные.

Публикуя переписку французского историка социалистических идей Мориса Домманже с руководителями Института Маркса—Энгельса, обнаруженную им в фондах РГАСПИ, Погосян посвящает небольшое введение Д. Б. Рязанову. Один из создателей Комакадемии — личность замечательная, и его судьба отчетливо характеризует сложность процессов, происходивших в истории советской науки. Рязанов был не только первым директором Фундаментальной библиотеки общественных наук (ФБОН, ныне ИНИОН), он создавал Институт Маркса—Энгельса (ИМЭЛ), его библиотеку и архив (ныне Российский государственный архив социально-политической истории — РГАСПИ). Влияние этого авторитетного в международных социалистических кругах человека до поры умеряло ретивость Покровского.

Рязанов придерживался курса на сотрудничество Комакадемии со «старой школой» и заслужил благодарственные слова от членов бывшей императорской Академии. Вел себя «очень свободно и во многом правильно», писал В. И. Вернадский о Рязанове, отмечая стремление академиков избрать его вице-президентом Академии²². Не случайно с развертыванием «Академического дела» совпала и опала Рязанова.

Обстоятельное освещение в книге Погосяна нашли актуальные вопросы международного научного сотрудничества. Автор целеустремленно и плодотворно работает над темой российско-французских научных связей, что и отразилось в ряде публикаций²³. Культуртрегерская, не побоюсь слова, миссия В. А. Погосяна уникальна. Она была завещана замечательными предшественниками, которые оценили интерес молодого историка и его редкую способность к «наведению мостов» между двумя национальными школами, их взаимному ознакомлению с ведущимися историческими исследованиями. Погосян зарекомендовал себя подлинным энтузиастом популяризации современной российской науки во Франции. Думаю, многие коллеги испытывают чувство благодарности за рецензии на их книги, которые он регулярно публикует в «Annales historiques de la Révolution française»²⁴.

Иной историографический подход был применен в книге профессора Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского доктора исторических наук Сергея Борисовича Криха²⁵. Привлекая многолетние историографические исследования и интенсивные архивные разработки, автор стремится раскрыть институционно-структурную иерархичность историописания советской эпохи на примере «науки о древности», выяснить наличие в ней двух компонентов — «центра» и «периферии» и воссоздать возникающую «периферийность» как условную подсистему.

С. Б. Крих скептически относится к жанру «историографического портрета», поэтому в своей книге считает возможным разделить «историю идей» и «историю ученых» как их носителей, выдвигая на передний план именно первую. Такое заявленное предпочтение

²² Вернадский В. И. Пять «вольных» писем сыну. Публ. К. К. // Минувшее: Исторический альманах, № 7. М., 1992, с. 434.

²³ Poghosyan V. La correspondance d'Albert Soboul avec les historiens soviétiques. Saarbrücken, 2017.

²⁴ Часть рецензий, была опубликована (Погосян В. А. В окружении историков. Ереван, 2011, с. 161—240). Всего их уже 51 (!), и хочется пожелать, чтобы они увидели свет и в России.

²⁵ Крих С. Б. Другая история: «периферийная» советская наука о древности. М., 2020. Ссылки на страницы этого издания следуют далее в тексте статьи на с. 34—39.

сопровождается многозначительной оговоркой: «личность в историографии, как и в истории, со счетов списать нельзя». Не только потому, что личностные «траектории» открывают различные возможности воплощения идей, но и потому — замечательные слова! — «единственное, что нас по большому счету интересует в мире», это «человеческое и даже моральное содержание» истории науки (с. 8).

На мой взгляд, автор наиболее убедителен там, где история идей сплавляется с творческим путем ученых, их личностными характеристиками. Можно сказать, концепция «периферийности» представлена в лицах, и ее различные аспекты суть различные жизненные траектории и творческие судьбы. Колоритны воссозданные Крихом образы действующих лиц, которые должны, по авторскому замыслу, иллюстрировать «периферийную» подсистему. И даже когда характеристики предельно лаконичны и персонажи отмечены несколькими строками в том или ином контексте, в тот или иной период, таким способом прочерчивается эволюция (или ее задержка) в творческом развитии персонажей, а заодно и всей исторической науки в советское время.

Следуя концепции книги, автор сосредоточивается на «периферийных» историках, незначимых. Впечатляет зарисовка творческого пути Марии Ефимовны Сергеенко. Ей посвящается больше строчек, чем признанным корифеям, и, почитав Криха, отчетливо ощущаешь причудливость «успеха по-советски». Нет сомнения, квалификацию и характер той или иной отрасли науки определяет «центр», и то, что называют «вкладом в науку», тоже ярче выражено в усилиях «центра». Более того, ни я, ни, очевидно, большинство историографов, изучавших советскую науку, не усомнятся в мере таланта многих представителей «центра» (в том числе тех самых, что ярко показаны в исследовании В. А. Погосяна). И далеко не все «периферийщики» могли соперничать с ними по этому качественному показателю. Проблема «периферийности» в другом.

У Криха речь идет о нереализованности ученого в силу искусственных условий, в которых бытовала советская наука. «Мейнстрим» заполняла формационная проблематика. Исследования советских историков независимо от эпохи и континента должны были иллюстрировать «пятичленную» схему исторического процесса, канонизированную в партийных документах. Считалось, что «пятичленка» подтверждает неизбежность наступления социализма в мире, а соответственно — верность стратегического курса правящей партии. Такая идеологическая доминанта придавала схоластические черты рассуждениям об универсальности той или иной формации; сдобренные цитатами классиков марксизма выводы из антиковедения экстраполировались на общества Востока; сближая древность с Новым временем, «древники» выявляли формационные «революции» и их «классовые» движущие силы.

Работам этих направлений отдавался безусловный приоритет. В фаворе неизменно оставалась социально-экономическая тематика; «подсобная» роль отводилась политической истории и истории культуры только как отражению социально-экономического «базиса». Последняя могла быть лишь «довеском» к «соцэку», ее изучение — дополнением и пояснением к «основному знанию» (с. 271). Историко-религиозная тематика, вне разоблачения «опиума для народа», по сути табуировалась, что прослеживается в творческой судьбе Сергеенко.

Ученица М. И. Ростовцева, она хотела оставаться верной принципам профессионализма «старой школы». Поэтому, избегая по возможности марксистской политграмоты, стремилась «минимизировать теорию» (с. 229) и сосредоточивалась на узких темах. А «для себя» как религиозный человек занималась христианской традицией, оставшись в Ленинграде во время блокады, в поисках успокоения переводила «Исповедь» Августина «без какой-либо надежды на публикацию» (с. 135).

Главная (для нее самой) работа никак не могла быть оценена при воинствующем атеизме. И при всем том героиня книги выразила себя как личность. Можно сказать, что она обрекла себя на «периферийность», «не стремясь вырваться в первые ряды» и «занять место в мейнстриме». Но, найдя для себя нишу в аграрной истории, где можно было избежать прямолинейной «марксизации», она смогла остаться в науке и даже издавать свои работы (с. 135).

Впрочем, личностная самореализация имела свои пределы. В ходе известной идеологической кампании Сергеенко приняла участие в заказном «избиении» С. Я. Лурье. И хотя, по предположению Криха, она могла «утешать себя, что увольнение того было уже предreshено» (с. 149), налицо случился отход в стратегии уклонения от политики. Не случайно в окружении Лурье Сергеенко упрекали в двуличии. А объяснялось такое поведение банально просто: вопрос стоял об издании ее первой книги, и она принимает регламентированные правила поведения, демонстрируя заодно лояльность принятой теоретической догме.

«За сделку с совестью нужно было платить — либо ненаучной верой в теорию, либо цинизмом» (с. 305), — пишет Крих, демонстрируя, как сочеталась «вера в теорию» с цинизмом на примере стратегии самореализации, которую избрал для себя другой ученик Ростовцева Борис Леонидович Богаевский. Его творческий путь характеризуется в главе, аллегорически названной «Штурм неба». Всеми недюжинными силами и не гнушаясь нечистоплотных средств, Богаевский пытался выдвинуться на первые роли. Человек с «чуждым» социальным происхождением (сын действительного статского советника), он проникновенно декларирует свою преданность новой власти («все в моей жизни после Октябрьской революции засветилось по-новому» — с. 85). Пройдя выучку в Петербургском университете, он в 1920-х годах принимает активное участие в разгроме старой профессуры, обращаясь в случае необходимости в карательные органы. Богаевский энергично ищет покровительство у сильных нового мира, находя в их «руководящих» взглядах и концептах «точки опоры» для своих публикаций. Наконец, обладая солидным научным багажом и известным литературным талантом, быстро научился использовать в своих сочинениях классиков марксизма.

Богаевский, «казалось бы, все делал правильно» для карьерного успеха в науке (с. 89), размышляет Крих; но при этом демонстрировал «слишком открытый цинизм» в жизни и «сгибался сильнее, чем следовало», вульгаризируя догматику официального учения. Его поражение в стремлении к «мейнстриму» побуждает автора поставить вопрос о значении «символического капитала» как критерии успеха: хотя «научное сообщество в советский период совсем не было автономным, репутация все равно имела значение». Поэтому при идентичности исходных данных научной карьеры и сходстве траекторий «взлетов и падений» В. В. Струве оказался наверху, а Богаевский был отброшен на «периферию» (с. 90—91).

Сама концепция книги предполагала иерархическую структуру, причем центр влияния был подвижен, лидерство в советской науке могло перемещаться от одних ученых к другим, и далеко не всегда это было обусловлено научным авторитетом. Главным фактором становились идеологические кампании, иными словами, вмешательство властных органов. Оно было решающим в начале 1930-х годов, оставалось таким и в последние годы жизни Сталина. Тут я расхожусь с мнением автора, что идеологические кампании тех лет, вплоть до самой широкомасштабной и разрушительной «космополитчины», «не могли быть использованы для принципиального передела сфер влияния в той или иной области науки» (с. 143).

Так ли? Сам автор констатирует, что именно в это время бывшая имперская столица по своему положению в отечественной науке переходит на «вторые роли» (с. 251). Разве это не входит в понятие «передела сфер влияния»? К тому же принижение университетско-академического Ленинграда сопровождалось разгромом «петербургской исторической школы», заодно с филологической, устранением из университета выдающихся ученых, в результате чего была утрачена возможность воспроизводства научного потенциала.

Критической оказалась ситуация и в советской столице. В различных дисциплинах бурно шла смена поколений, которая из-за специфики бытия тех лет становилась борьбой не только за научную карьеру, но и за физическое существование. И, по словам А. Я. Гуревича, характеризовавшего ситуацию в медиэвистике, «то была битва, в которой историки новой, послевоенной формации победили “стариков”... интеллигенцию совершенно другого покроя»²⁶.

²⁶ «Быть дольше в стороне мне казалось невозможным...» (последнее интервью А. Я. Гуревича, 11 июня 2006 г.). — URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2006/81/int10.html> (дата обращения 03.01.2020).

Симптоматичным оказалось положение в источниковедении российской истории, где оргвыводы были сделаны в отношении маститых ученых (заметим, не только «космополитского» происхождения) за чрезмерное, с точки зрения обвинителей, использование иностранных источников. Разгрому подверглась кафедра вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института. Победителями сделались активисты последней волны, требовавшие сократить изучение сочинений иностранцев, ибо «чем больше их изучаешь, тем больше ненавидишь»²⁷.

Хотелось бы скорректировать выводы автора и по поводу идеологической кампании, знаменовавшей окончание Оттепели. Крих обоснованно рассуждает о неизбежности наступления идейно-теоретической реакции (с. 238), хорошо было бы подчеркнуть при этом не «исчерпание возможностей» для пересмотра канонизированной догматики, а их блокирование аппаратными методами с подключением «тяжелой артиллерии» в лице непосредственно начальствующих лиц со Старой площади. «Совершенно очевидно, что возможность глубинного пересмотра теоретических представлений о древнем обществе была закрыта буквально на политическом уровне» (с. 237), — указывает Крих; и я с ним согласен.

В книге нет популярных «филиппик» против марксизма. Автор делает акцент на безальтернативности его применения в советской исторической науке. Дело было не столько в ограниченности «объяснительных способностей» (с. 303) метода (какой метод не имеет эвристических пределов?), сколько прежде всего в его принудительности для советских ученых, что отчетливо контрастирует с дореволюционной ситуацией, когда отечественную науку в социальных отраслях буквально захлестнуло увлечение марксизмом и так называемый легальный марксизм стал распространенным теоретико-методологическим направлением.

Усугубляло положение и то, что учение Маркса, начиная с 1930-х годов, было представлено партийным руководством в виде законченной теоретической схемы. В сущности, она сделалась тем, что в современной историографии называют «советским марксизмом». Связь последнего с политическим режимом видится и прямой, и обратной. «Советский марксизм» был детищем режима, и при существовании режима он «не мог развить даже собственных возможностей» (с. 291).

Наступил тупик, который явственно ощущался в середине 1980-х годов. В рамках «советского марксизма» выхода не было. Таковой нащупывался исподволь и происходил за счет того, что Крих удачно называет «перекодированием» внешних сигналов (с. 295). Со времени Оттепели изоляция советской науки стала ослабевать, назрела необходимость нового открытия «окна в Европу». Очевидное ощущение такой потребности, идущее из недр профессионального сообщества, затронуло и властные структуры. Так, в 1969 г. возник Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН), чье создание знаменовало новый этап в восприятии «внешних сигналов».

Первым открытием мировой науки парадоксально сделалось направление, названное тогда же «противизмом» — по заголовкам критических статей, начинавшихся словом «против». Специалисты знакомили научный мир страны с популярными зарубежными теориями под завесой их идеологической критики. Крих прав: реальной поддержки конкретным исследованиям «противизм» не давал.

Складывание информационной системы ИНИОН было обращено именно к конкретике. В отраслевых реферативных журналах (РЖ) адекватно²⁸ передавалось конкретное содержание зарубежных изданий, и это имело революционизирующий эффект с точки зрения источниковой и историографической базы, поскольку губительным следствием «железного

²⁷ Простоволосова Л. Н., Станиславский А. Л. История кафедры вспомогательных исторических дисциплин. М., 1994, с. 34.

²⁸ Такова была установка разработчиков информационной системы, реализовавшаяся естественно в меру квалификации исполнителей, «рефератчиков». О характере деятельности ИНИОН и ее значении в происходивших в позднесоветской гуманитаристике процессах см.: ФБОН — ИНИОН: воспоминания и портреты (сборник статей), вып. 1-2. М., 2011–2018.

занавеса» было ограничение (порой блокирование) доступа к зарубежным базам данных, не только к архивам, но и к справочным изданиям, новейшей литературе.

Вначале освоение достижений мировой науки происходило так, как пишет Крих, путем подгонки к существовавшей теоретической схеме: в простейшем случае в основу работы ложился заимствованный материал, который во введении и заключении обрамлялся нормативными положениями. Так же поступали и с теориями «среднего уровня», которые, говоря словами Криха, «перекодировали» в формулировки «советского марксизма».

На новом этапе в специальных изданиях нередко с грифом ДСП («для служебного пользования») начали «перекодировать» сами методологические положения. Так, на базе инициативных сборников в 80-х годах стала складываться «несоветская» (как окрестили ее впоследствии) медиэвистика (А. Я. Гуревич, Ю. Л. Бессмертный, А. Л. Ястребицкая), в которой бытовавшая теоретическая схема благодаря «перекодированию» методологии школы «Анналов» лишилась экономического детерминизма, основы основ учения о формациях.

Возрождавшееся в трудах А. Ф. Лосева, С. С. Аверинцева, Г. С. Кнабе, М. Л. Гаспарова изучение культуры античности, как показывает Крих, било в ту же точку. Формировалась отечественная культурология, «нечто невозможное в “нормальной” советской науке» (с. 286), ибо предполагало признание самоценности культуры и всей сферы общественного сознания, и соответственно отказ от одной из важнейших опор формационного учения «теории отражения».

«Перекодировалось» собственно и марксведение, выходя за пределы догматики «советского марксизма». Крих подметил использование «редких», не вошедших в утвержденный канон суждений Ленина, обнаруженных в черновиках и конспектах, для прикрытия неортодоксальных положений — как «позднесоветскую тенденцию» (с. 274). Соглашусь и напомню, что с 30-х годов цитаты классиков марксизма тоже отбирались на предмет идеологической пригодности.

Отличительной чертой марксведения позднесоветского периода стало введение в научный оборот опубликованных во время Оттепели ранних сочинений Маркса и рукописей к «Капиталу». Под таким «прикрытием», отталкиваясь от зарубежных так называемых *peasant studies* и подчеркнув тождество некоторых принципиальных положений между «неканонизированным» Марксом и родоначальником этого направления Робертом Редфилдом, мне довелось обосновать неортодоксальный подход к крестьянству как неклассовой и внеформационной категории²⁹.

Следует упомянуть и «кодирование» идейно-теоретических новаций посредством знаковых систем (семиотика Московско-тартуской школы, Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский, В. Н. Топоров), формализованно-наукведческих методик (Г. П. Щедровицкий) или применением особого социологизированного «новояза» (М. А. Чешков), который был замечен ортодоксами и окрещен директором Института всеобщей истории АН СССР академиком Е. М. Жуковым «птичьим языком»³⁰.

Как охарактеризовать подобные явления? Я бы, пользуясь концептом Криха, определил их «периферийными» в структуре позднего советского обществоведения. Сам автор колеблется. Так, культурологические исследования, по его мнению, «отделяются и отдаляются» от центра настолько, что создают новую структуру отношений (с. 287). Однако оговаривается: «Как периферийное направление, замаскированное нужным количеством цитат (из того же Ленина!), этот зачаток культурологии мог существовать, но его включение в мейнстрим прямо означало бы, что советская наука перестанет быть советской и, в общем-то марксистской» (с. 297).

²⁹ Гордон А. В. Крестьянство Востока: исторический субъект, культурная традиция, социальная общность. М., 1989.

³⁰ Чешков М. А. Проблемы исследования элит «третьего мира». Обзор литературы. М., 1973; *его же*. Критика представлений о правящих группах развивающихся стран. М., 1979; Московско-тартуская семиотическая школа. История, воспоминания, размышления. М., 1998; Хромченко М. С. Методолог: летопись о Г. П. Щедровицком. М., 2020.

С такой оговоркой я скорее готов согласиться. В общей оценке состояния «ядра» автор прав: поверхностные изменения за счет уточнений к «рамочной теории» (с. 294) при воспроизведении основоположений. Не стоит заикливаться на позиции властных инстанций. В профессиональном сообществе были и свои мотивы. Характеризуя позицию приверженцев «консервативных взглядов» на примере индолога Г. Ф. Ильина, Крих обращает внимание на опасение тех, что «любые отклонения от формационной схемы приведут к отказу от единства всемирной истории, а в конечном счете поставят под вопрос саму закономерность развития или познаваемость этих законов» (с. 240)³¹.

Все же во второй половине 80-х годов и в «центре» начинались примечательные подвижки, выразившиеся, например, в реабилитации немарксистских направлений в политической (П. А. Кропоткин) и экономической теории (Н. Д. Кондратьев, А. В. Чайнов и организационно-производственное направление). Причем инициатива исходила в данных случаях с вершин партийного (Академия общественных наук при ЦК КПСС) и академического истеблишмента (А. А. Никонов, Л. И. Абалкин). Символично, что утверждение канона «советского марксизма» на рубеже 20–30-х годов сопровождалось разгромом «кондратьевщины» и «чайновщины», начатого самим вождем. Так, финал советской гуманитаристики возвращал к первому акту драмы, подтверждая справедливость важнейшего вывода Криха: развитие науки требует соперничества различных школ, методов, направлений, и «роковым фактором» для советской науки сделалось «принципиальное отсутствие конкурирующих исторических теорий» (с. 303).

Библиография

Алаторцева А. И. Советская историческая наука на переломе 20–30-х годов // История и сталинизм. М., 1991, с. 248–283.

Вернадский В. И. Пять «вольных» писем сыну. Публ. К. К. // Минувшее. Исторический альманах, № 7. М., 1992, с. 424–450.

Гордон А. В. Великая французская революция в советской историографии. М., 2009.

Гордон А. В. Встречи с Далиным // Французский ежегодник, 2002. М., 2002, с. 39–53.

Гордон А. В. Историки железного века. М., 2018, с. 281–311.

Гордон А. В. Крестьянство Востока: исторический субъект, культурная традиция, социальная общность. М., 1989.

Гуревич А. Я. «Быть дольше в стороне мне казалось невозможным...». — URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2006/81/int10.html> (дата обращения 03.01.2020).

Далин В. М. А. Н. Савин: "Nihil admirari!" (дневник историка) // Исторические этюды о Французской революции. М., 1997, с. 31–69.

Далин В. М. Люди и идеи. Из истории революционного и социалистического движения во Франции. М., 1970, с. 294–343.

Далин В. М. Мануфактурная стадия капитализма во Франции XVIII в. в освещении «русской школы» // Историк-марксист, 1929, № 14, с. 68–116.

Далин М. В. «Запечатленные моменты» из жизни В. М. Далина — пламенного революционера и трепетного поклонника музыки Клио // Исторические этюды о Французской революции: к 95-летию В. М. Далина. М., 1998, с. 24–30.

Далин М. В. Посильный комментарий к некоторым событиям жизни Виктора Моисеевича Далина // Французский ежегодник, 2002. М., 2002, с. 20–34.

Данилов В. Н. Общество историков-марксистов и историки «старой школы» // История и историческая память, вып. 13–14. Саратов, 2016, с. 93–104.

Дубровский А. М. Дневник историка С. А. Пионтковского как исторический источник. — URL: <https://lib.vsu.by/jsru/handle/123456789/6659> (дата обращения 14.07.20).

Дунаевский В. А. О письме Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» и его воздействии на науку и судьбы людей // История и сталинизм. М., 1991, с. 284–297.

³¹ Крих цитирует письмо А. А. Вигасина, который тесно сотрудничал с Ильиным при написании главы об Индии в «Истории Древнего Востока». Подобные опасения были и у Б. Ф. Поршнева, хорошо знавшего, какой критике подвергается концепт универсальности рабовладения среди китайцев.

- Кареев Н. И.* Французская революция в марксистской историографии в России. Публ. Д. А. Ростиславлева // Великая французская революция и Россия. М., 1989, с. 196–221.
- Крих С. Б.* Другая история: «периферийная» советская наука о древности. М., 2020.
- Московский-тартуская семиотическая школа. История, воспоминания, размышления. М., 1998.
- Оболенская С. В.* Еще один портрет историка. Виктор Моисеевич Далин. — URL: http://samlib.ru/o/obolenskaja_s/w/dalin.shtml (дата обращения 11.11.2017).
- Панях В. М.* К спорам об «Академическом деле» 1929–1931 гг. и других сфабрикованных политических процессах. — URL: <https://www.rostmuseum.ru/museum/biblioteka/soobshcheniya-rostovskogo-muzeya/vypusk-xiii-rostov-2003/problemy-istoriografii/v-m-panyakh-s-peterburg-k-sporam-ob-171-akademicheskome-dele-187-1929-1931-gg-i-drugikh-sfabrikovannykh-politicheskikh-protsessakh-c-303/> (дата обращения 15.03.2020). __
- Погосян В. А.* В окружении историков. Ереван, 2011.
- Погосян В. А.* В. М. Далин // Портреты историков: время и судьбы, т. 2. М., 2000, с. 416–425.
- Погосян В. А.* Историки Французской революции. М., 2019.
- Полемика Альбера Матьеза с советскими историками. 1930–1931 годы. Предисл. В. А. Дунаевского // Новая и новейшая история, 1995, № 4, с. 199–211.
- Простоловцова Л. Н., Станиславский А. Л.* История кафедры вспомогательных исторических дисциплин. М., 1994.
- Смирнова В. А.* Первый директор Института К. Маркса и Ф. Энгельса Д. Б. Рязанов // Вопросы истории КПСС, 1989, № 9, с. 72–84.
- Сталин И. В.* О некоторых вопросах истории большевизма. Письмо в редакцию журнала «Пролетарская революция» // К изучению истории. Сборник. М., 1946, с. 3–16.
- Сталин И. В.* Вопросы ленинизма, изд. 11. М., 1939.
- ФБОН - ИНИОН: воспоминания и портреты (сборник статей), вып. 1–2. М., 2011–2018.
- Фридлянд Г. С.* Итоги изучения Великой французской революции в СССР // Классовая борьба во Франции в эпоху Великой революции. М. - Л., 1931, с. 394–407.
- Хромченко М. С.* Методолог: летопись о Г. П. Щедровицком. М., 2020.
- Чешков М. А.* Критика представлений о правящих группах развивающихся стран. М., 1979.
- Чешков М. А.* Проблемы исследования элит «третьего мира». Обзор литературы. М., 1973.
- Poghosyan V.* La correspondance d'Albert Soboul avec les historiens soviétiques. Saarbrücken, 2017.

References

- Alatorceva A. I.* Sovetskaja istoricheskaja nauka na perelome 20–30-h godov [Soviet historical science at the turn of the 20–30s] // Istorija i stalinizm [History and Stalinism]. Moskva, 1991, p. 248–283. (In Russ.)
- Cheshkov M. A.* Kritika predstavlenij o pravjashhix gruppah razvivajushhihsja stran [Critique of ideas about ruling groups of developing countries]. Moskva, 1979. (In Russ.)
- Cheshkov M. A.* Problemy issledovanija jelit «tret'ego mira». Obzor literatury [Problems of research of elites of the "third world". Literature review]. Moskva, 1973. (In Russ.)
- Dalin M. V.* «Zapechatlennye momenty» iz zhizni V. M. Dalina — plamennogo revoljucionera i trep-etnogo poklonnika muzy Kliio ["Captured moments" from the life of V. M. Dalin—a fiery revolutionary and a trembling fan of the Muse Clio] // Istoricheskie jetjudy o Francuzskoj revoljucii: k 95-letiju V. M. Dalina [Historical etudes about the French revolution: to the 95th anniversary of V. M. Dalin]. Moskva, 1998, p. 24–30. (In Russ.)
- Dalin M. V.* Posil'nyj kommentarij k nekotorym sobytijam zhizni Viktora Moiseevicha Dalina [Feasible commentary on some events in the life of Viktor Moiseevich Dalin] // Francuzskij ezhegodnik, 2002 [French Yearbook, 2002]. Moskva, 2002, p. 20–34. (In Russ.)
- Dalin V. M.* A. N. Savin: "Nihil admirari!" (dnevnik istorika) [A. N. Savin: "Nihil admirari!" (Diary of a historian)] // Istoricheskie jetjudy o Francuzskoj revoljucii [Historical etudes about the French revolution]. Moskva, 1997, p. 31–69. (In Russ.)
- Dalin V. M.* Lyjdi i idei. Iz istorii revoljucionnogo i socialisticheskogo dvizhenija vo Francii [Men and ideas. From the History of the Revolutionary and Socialist Movement in France]. Moskva, 1970, p. 294–343. (In Russ.)
- Dalin V. M.* Manufakturnaja stadija kapitalisma vo Francii v XVIII v. [Manufactural stage of capitalism in France XVIII s.] // Istorik-marksist [Historian-marxist], 1929, № 1, p. 68–116. (In Russ.)
- Danilov V. N.* Obschestvo istorikov-marksistov i istoriki "staroi shkoly" [Society of historians-marxists and historians of "old school"] // Istorija i istoricheskaja pamjat' [History and the historical memory], vyp. 13–14. Saratov, 2016, p. 93–104. (In Russ.)

Dubrovskij A. M. Dnevnik istorika S. A. Piontkovskogo kak istoricheskij istochnik [Diary of the historian S. A. Piontkovskogo as a historical source]. – URL: <https://lib.vsu.by/jspui/handle/123456789/6659> (access date 14.07.2020). (In Russ.)

Dunaevskij V. A. O pis'me Stalina v redakciju zhurnala «Proletarskaja revoljucija» i ego vozdejstvii na nauku i sud'by ljudej [About Stalin's letter to the editorial Board of the magazine "Proletarian revolution" and its impact on science and the fate of people] // Istorija i stalinizm [History and Stalinism]. Moskva, 1991, p. 284–297. (In Russ.)

FBON – INION: vospominaniia i portrety (sbornik statei), vyp. 1–2 [FBON – INION: memoirs and portraits (collection of articles), issue 1-2]. Moskva, 2011–2018. (In Russ.)

Fridljand G. S. Itogi izuchenija Velikoi francuskoj revolucii v SSSR [Results of study of the Great French Revolution in USSR] // Klassovaja bor'ba vo Francii v jepohu Velikoi i revolucii [Class struggle in France in age of the Great Revolution]. Moskva – Leningrad, 1931, p. 394–407. (In Russ.)

Gordon A. V. Istoriki zheleznogo veka [Iron age historians]. Moskva, 2018, p. 281–311. (In Russ.)

Gordon A. V. Krest'janstvo Vostoka: Istoricheskii sub'jekt, kul'turnaja tradicia, socialnaja obschnost [Peasantry of East: Subject of history, cultural tradition, social community]. Moskva, 1989. (In Russ.)

Gordon A. V. Velikaja francuskaja revolucija v sovetskoj istoriografii [The Great French Revolution in the Soviet historiography]. Moskva, 2009. (In Russ.)

Gordon A. V. Vstrechi s Dalinym [Reception of Dalin] // Francuzskij ezhegodnik, 2002 [French Year-book, 2002]. Moskva, 2002, p. 39–53. (In Russ.)

Gurevich A. Ja. But' dolzhe v storone mne kasalos' nevosmozhnum [I could not be longer aside]. – URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2006/81/int10.html> (access date 03.01.2020). (In Russ.)

Hromchenko M. S. Metodolog: letopis' o G. P. Shhedrovickom [Methodologist: a chronicle of the G. P. Shhedrovitsky]. Moskva, 2020. (In Russ.)

Kareev N. I. Francuskaja revolucija v marksistskoj istoriografii v Rossii. Publ. D. A. Rostislavleva [The French Revolution in the Marxist historiography in Russia. Publication by D. A. Rostislavlev] // Velikaja francuskaja revolucija i Rossija [The Great French Revolution and Russia]. Moskva, 1989, p. 196–221. (In Russ.)

Krih S. B. Drugaja istorija [Other History]. Moskva, 2020. (In Russ.)

Moskovsko-tartuskaja semioticheskaja shkola. Istorija, vospominaniia, razmyshlenija [Moscow-Tartu semiotic school. History, memories, reflections]. Moskva, 1998. (In Russ.)

Obolenskaja S. V. Eshhe odin portret istorika. Viktor Moiseevich Dalin [Another portrait of the historian. Victor M. Dalin]. – URL: http://samlib.ru/o/obolenskaja_s_w/dalin.shtml (access date 11.11.2017). (In Russ.)

Panejah V. M. K sporam ob «Akademicheskome dele» 1929–1931 gg. i drugih sfabrikovannykh politicheskikh processakh [To the disputes about the "Academic case" of 1929–1931 and other fabricated political processes]. – URL: <https://www.rostmuseum.ru/museum/biblioteka/soobshcheniya-rostovskogo-muzeya/vypusk-xiii-rostov-2003/problemy-istoriografii/v-m-paneyakh-s-peterburg-k-sporam-ob-171-akademicheskome-dele-187-1929-1931-gg-i-drugikh-sfabrikovannykh-politicheskikh-protsessakh-c-303/> (access date 15.03.2020). (In Russ.)

Pogosjan V. A. Istoriki Francuskoj revolucii [Historians of the French Revolution]. Moskva, 2019. (In Russ.)

Pogosjan V. A. V okruzenii istorikov [Surrounded by historians]. Erevan, 2011. (In Russ.)

Pogosjan V. A. V. M. Dalin // Portrety istorikov: vremja i sud'by, t. 2 [Portraits of historians: time and fate, vol. 2]. Moskva, p. 416–425. (In Russ.)

Polemika Al'bera Mat'eza s sovetskimi istorikami. Predisl. V. A. Dunaevskogo [The controversy of Albert Mathiez with the Soviet Historians. Foreword by V. A. Dunaevsky] // Novaja i noveishaja istorija [Modern and Contemporary History], 1995, № 4, p. 199–211. (In Russ.)

Prostovolosova L. N., Stanislavskii A. L. Istorija kafedru vspomogatel'nuh discipline [History of the Department of Auxiliary Disciplines]. Moskva, 1994. (In Russ.)

Smirnova V. A. Pervyj direktor Instituta K. Marksa i F. Jengel'sa D. B. Rjazanov [First Director of the Institute of K. Marx and F. Engels D. B. Ryazanov] // Voprosy istorii KPSS [Questions of the history of the CPSU], 1989, № 9, p. 72–84. (In Russ.)

Stalin I. V. O nekotorykh voprosah istorii bol'shevizma: Pis'mo v redakciju zhurnala "Proletarskaja revoljucija" [About some questions of the history of Bolshevism: a Letter to the editor of the magazine "Proletarian revolution"] // K izucheniju istorii. Sbornik [To the study of history. Collection]. Moskva, 1946, p. 3–16. (In Russ.)

Stalin I. V. Voprosy leninizma, izd. 11 [Questions of Leninism, ed. 11]. Moskva, 1939. (In Russ.)

Vernadski V. I. Piat' "vol'nykh" pisem k synu [Five "free" letters to the son] // Minuvshee. Istoricheskij al'manah [Bygones. Historical anthology], № 7. Moskva, 1992, p. 424–450. (In Russ.)

Poghosyan V. La correspondance d'Albert Soboul avec les historiens soviétiques. Saarbrücken, 2017.